

ШАВА 1

Любопытство — один из многих пороков человеческих. В Толковом словаре господина Ожегова оно определяется как «мелочный интерес ко всяким, даже несущественным подробностям». И Потехину Эльмиру интересовало буквально все, любой пустяк, любая мелочь. Несущественных подробностей для нее не существовало. Ее друзья и подружки, а также подружки ее друзей в один голос настоятельно советовали ей избавиться от этой пагубной привычки: совать нос не в свое дело. Но к их советам она оставалась слепа и глуха.

Ей нужно было знать все, для того чтобы...

Как только дело доходило до определения причины такого любопытства, ей становилось зябко, потому как знать мельчайшие подробности происходящего в ее окружении Эльмире было необходимо для того, чтобы успеть и суметь предотвратить беду.

Разумеется, ничего такого еще ни разу не произошло. Не в смысле беды, а в смысле умения предотвратить эту самую беду.

Тут следует сделать небольшое отступление.

Дело в том, что пороком любопытства Эльмира начала страдать относительно недавно. Прежде ее пытливый ум занимали несколько иные проблемы, как то: учеба в университете, фанатичная преданность Интернету, книги, общение с друзьями на многочисленных вечеринках и тусовках. Словом, она была дитя своего времени и своего города с многотысячным населением. Занимать свой ум, далеко не такой заурядный, как могло показаться стороннему наблюдателю, подробностями чьих-то тривиальных сплетен прежде ей было недосуг. Но после того как случилась беда, в ней что-то надломилось. Затем все в ее сознании перемешалось. Она собралась, привела себя в относительный порядок, но прежней стать не могла, и миру явилась совершенно иная Эльмира.

Внешне она осталась прежней: высокая блондинка с невероятно синими глазами и ярко-алыми пухлыми губами, за что в школе ей прилепили не совсем приятное прозвище «грибастая». Ну с тем разве отличием, что блеск в глазах несколько померк, да уголки губ горестно опустились. Во всем же остальном — все, как прежде...

Но вот сущность ее человеческая претерпела кардинальные изменения.

Если ранее она была беззаботной хохотушкой, готовой прийти на помощь любому и каждому и пойти и в огонь и в воду, не раздумывая, за любым из своих друзей, то теперь все было иначе.

Она замкнулась в себе. Почти перестала видаться с друзьями, благо финал обучения в университете к этому уже не обязывал. Стала дерзкой, в чем-то даже агрессивной. И что самое неприятное — на редкость любопытной.

Ее теперь интересовало буквально все.

Отчего это тетя Зина с первого этажа их подъезда вдруг таким прекрасным весенним утром выглядит на редкость печальной и даже слегка заплаканной. С ней что-то определенно произошло. Надо срочно узнать и попробовать разобраться, чтобы помочь.

А Лешка? Тот, что этажом выше... Почему он вернулся домой ближе к утру? Не иначе, любовницу завел, подлец! А жена у него, между прочим, беременная...

Дядя Витя из тринадцатой... Ну, тут все понятно. Мужик с утра до ночи гонит самогонку, потому-то к нему толпами идут обладатели сизых носов и мутных глаз.

И так далее и все в таком вот духе.

Сведения собирались ею по крупицам. Большинство выводов делались после скрупулезного анализа этих самых сведений. А кончалось, как правило, в лучшем случае конфузом. Как было в инциденте с Лешкой, который, как оказалось, изо всех сил старался содержать молодую семью, подрабатывая где только можно. А в худшем — скандалом. Как в случае с Данилой.

Эта неприятная история, разыгравшаяся буквально час назад, заслуживала особого внимания...

Данила Емельянов жил со своей матерью в квартире напротив. Если Эльмира была обладательницей роскошной четырехкомнатной квартиры, полностью упакованной мебелью и бытовой техникой, то Данила с матерью ютился в однокомнатной квартирке, уставленной колченогими стульями, койками с панцирными сетками, из бытовой техники у них имелся лишь старенький ламповый телевизор «Фотон» и его ровесник, круглобокий холодильник «Мир». Одевались сын с матерью во что-то серо-черно-непонятное. И если, поднимаясь или опускаясь по лестничной клетке, девушка оставляла за собой шлейф аромата невероятно дорогих французских духов, то мать Данилы отчего-то всегда источала кислородный запах дрожжевого теста...

Сыграло ли тут роль их явное социальное различие или личная неприязнь, основанная на чем-то другом, но Эльмиру мать Данилы ненавидела люто.

Звали ее Вера Васильевна. Была она невысокой, тучной, с постоянно недовольным выражением лица. Редкие волосы, окрашенные хной, всегда были расчесаны на прямой пробор, и отдельные их пряди заправлены за маленькие ушки, удивительно напоминающие мышинные.

Но эти самые странные ушные раковины Эльмире удалось разглядеть совсем недавно, так как все то время, пока Данила был в армии, Вера Васильевна не снимала черного платка.

Поначалу девушка даже прониклась симпатией к этой странной суровой женщине, по

наивности полагая, что ту, как и ее, постигло какое-то горе, раз дама не снимает траура. На деле же оказалось, что Вера Васильевна наложила на себя добровольную епитимью в связи с тем, что единственный ее сын мается где-то в горах Чеченской Республики, выполняя свой гражданский долг в «горячей точке». С утра до ночи набожная женщина отбивала поклоны в местной церквушке, дожидаясь возвращения любимого чада. Чадо вернулось и запило.

Эльмира не без брезгливости взирала на то, как Данила на четвереньках карабкается по ступенькам, совершенно не заботясь о состоянии своего единственного спортивного костюма (который, к слову сказать, был ею замечен на нем еще в то время, когда парень оканчивал десятилетку).

В запойном состоянии Данила пребывал с полгода. Затем образумился, протрезвел и приоделся. Вот этот последний фактор и сыграл с Эльмирой злую шутку. Откуда, спрашивается, у этого забулдыги деньги на приличную дубленку стоимостью восемь-десять тысяч целковых? А мебель, мебель на какие шиши поменяли? Не иначе наркоторговля или торговля оружием. Она неоднократно слышала о таких вот умельцах-«чеченцах», вывозивших арсенал многострадальной армии из «горячих точек» и успешно приторговывающих себе во благо...

— А кто же его знает, чем он занимается? — пожала плечами тетя Зина в ответ на ее, каза-

лось бы, совсем безобидный вопрос. — Может, работать устроился...

Прояснила ей ситуацию сама Вера Васильевна час спустя. Оповещенная соседкой о ее заинтересованности, та отчаянно начала колотить ногами в ее железную дверь. А когда Эльмира дверь открыла, то, вцепившись ей в волосы, вытащила на лестничную клетку и принялась стегать мокрым полотенцем, приговаривая при этом:

— Откуда у Даньки деньги, говоришь?! Ах ты, сука безродная! Ах ты, проститутка! Откуда деньги?! Он за них, тварь ты такая, жизнью рисковал и рискует! Позавидовала деньгам его, шалава! Я тебе язык-то вырву, гадина! Будешь метелить им почем зря...

Эльмира пыталась вырваться из рук женщины, но та вцепилась ей в волосы мертвой хваткой. Визжала она долго, а может, Эльмире так показалось. Но вот уже и двери этажом выше и ниже захлопали. И любопытные повысовывались отовсюду, а она все не унималась, хлестая мокрой тряпкой по почти голым бокам девушки.

Закончилось все как-то неожиданно. Вера Васильевна вдруг смолкла и выпустила из рук ее шевелюру. Эльмира распрямилась, расправила плечи, и почти тут же взгляд ее уперся в глаза Данилы.

Видно было, что тот только что вернулся откуда-то. Куртка нараспашку. Дорогие (!) ботинки в грязи. Верхняя пуговица белоснежной рубашки расстегнута. Галстук (!) болтается на

ослабленном узле. А в руках огромный (!!!) пакет с фруктами. Но не столько все это так сильно ужалило Эльмиру в сердце (хотя задуматься было над чем), а то, каким взглядом он смотрел на нее.

Вид у нее был, мягко говоря, не очень-то... Длинные волосы растрепаны. Коротенькая маечка, в которой она любила хаживать дома, измята и намокла от ударов мокрым полотенцем взбесившейся соседки.

Но Данила, казалось, не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Он просто стоял и смотрел ей в глаза. Смотрел с жалостью, с болью какой-то затаенной. И вот это самое сочувственное понимание, изливающееся из его глаз, и уязвило более всего Эльмиру.

— Чего уставился?! — рявкнула она грубо. — Мамашу свою бешеную не видал?!

— Ах ты, проститутка! — взревела пуще прежнего Вера Васильевна, делая смачный акцент на последнем слове. — Я тебе сейчас!..

Данила переступил с ноги на ногу. Поставил пакет на пол и, взяв осторожно мать под руку, тихо произнес:

— Оставь ее, мать. Идем домой.

— Домой? — Вера Васильевна оторопело воззрилась на чадо и, в немом протесте открывая и закрывая рот, принялась указывать перстом в сторону насупившейся Эльмиры: — А как же эта... Эта жидовка! Она же... Она про тебя...

— Оставь ее, — упрямо мотнул Данила головой. — Сирота она... Жаль мне ее...

Эльмира не помнила, как влетела к себе в квартиру. Как шарахнула изо всех сил дверь о притолоку. Как рухнула лицом вниз на диван в гостиной и заревела белугой. Самое главное, что слез не было. Был только один страшный вой, который шел из сердца. Так, наверное, воет собака, оплакивая потерянных щенков: без слез. Одним только жутким голосом сердца. Голосом потерянности и одиночества...

В чувство ее привела Зойка. Самая стойкая из всех обиженных и отвергнутых подруг. Она наплевала на все агрессивные выпады Эльмиры, с которыми многим пришлось столкнуться и оторопел от которых, большинство поспешно ретировались. Она была и оставалась ее самой надежной, самой терпеливой и самой строгой подругой.

Вот и сейчас, открыв своим ключом квартиру Потехиной и покидав в беспорядке на пол пакеты с продуктами, она села рядом с Эльмирой на диван. Взяла ее голову в свои руки, положила ее себе на колени и принялась легонько поглаживать по волосам, приговаривая при этом:

— Ну, ну, моя маленькая. Ну, успокойся. Все будет хорошо...

— Нет, — сдавленно простонала Эльмира и отчаянно затрясла головой. — Не будет.

— Будет, девочка моя, будет. Успокойся, и давай-ка лучше поплачем вместе. Давай?

— Не могу, Зой! Я не могу! — Она приподняла голову и с дикой болью в глазах воззрилась на подругу. — Все разрывается внутри,

понимаешь?! Все горит! Печет вот здесь, а слез нет! Мне плохо...

— Знаю, золотой мой, знаю. — Зойка печально вздохнула, поправила очки на широкой переносице, и вдруг лицо ее странно сморщилось. — А меня этот козел бросил, представляешь?! Он меня бросил!!!

И тут же из глаз ее обильно заструились слезы. Тут уж пришлось им поменяться местами. Зойка горестно рыдала у Эльмиры на плече, повествуя о подлости ее очередного любовника. Оказывается, он был намного вероломнее предыдущего. Вероломнее и искуснее в актерском мастерстве. Она не сумела его разглядеть. Не смогла разгадать его хитроумных ходов. И как результат — опустошенные продуктовые полки и пустая шкатулка, где находились все ее сбережения.

— Так низко опуститься! — всхлипывала Зойка, вздрагивая всем телом, а его у нее было аж девяносто килограммов. — Он даже упаковку с макаронами унес, представляешь?! Два лимона... Пара яблок... Банка сгущенки...

— Он вообще-то нормальный? — опешила Эльмира, внимательно слушая подругу.

— Вроде да.

— А зачем ему столько жвачки? Может, на пикник собрался?

— Это в мартовскую-то слякоть?! И с кем? — Зойка приостановила на мгновение поток слез. — Кто поедет с ним макароны трескать?!

— Ну... Может, итальянка какая-нибудь? — предположила Эльмира, поглаживая подругу по

округлому плечу. — Он у тебя как в вопросах секса? Ну... сильно охоч до темнооких красавиц?

— Черт его знает... — Зойка вяло махнула рукой и обреченно вынесла вердикт: — Видно, такая моя женская доля. Каждый козел норовит у меня урвать что-нибудь. Степка ушел с ковром. Сашка унес магнитоу. А этот... А этот макароны!!!

— Да-а-а, макароны — это уже серьезно! — Эльмира почесала переносицу, перевела взгляд на подругу, и, как бывало прежде, девушки расхохотались.

Минут через пять, утихомирив свои разбушевавшиеся эмоции, подруги похватали с пола пакеты с продуктами и пошли в кухню-столовую. Быстренько все разобрал и рассовав по полкам шкафа и холодильника, они включили кофеварку и уселись за стол. Зойка пристально уставилась на подругу и наконец решительно произнесла:

— Элка, ты мне хорош ерундой тут заниматься!

— А при чем тут я-то! — вспылила мгновенно Эльмира, гневно засверкав огромными синими глазами. — Сижу дома, никого не трогаю. Она врывается и тряпкой меня, и тряпкой! Да еще орет на весь подъезд: проститутка! Какая я проститутка, Зой?! Вот ответ! Я что, проститутка?!

— Нет, — Зойка обреченно вздохнула: взрыва агрессии не избежать, но она все же решила не выпускать до поры инициативу из рук. —

Нет, ты не проститутка. Более того... Скажи кому, что в свои двадцать четыре года ты до сих пор девственница, поднимут на смех. Но...

— Что — но? — почти визгливо вскинулась Эльмира.

— А то но! — повысила голос Зойка. — Что когда-нибудь ты за свое любопытство заплатишь! На кой черт тебе понадобилось наводить справки об этом парне?

— Я?! Наводила справки?! — От змеиного шепота, каким Эльмира выдавила свои вопросы, она даже закашлялась. — Черт! Я не наводила никаких справок, если ты хочешь знать! Я просто спросила...

— Вот! — торжествуя подняла кверху указательный палец правой руки Зойка. — Вот! А что я говорила! Она просто спросила... Эллка, я дала самой себе клятву, что уберегу тебя от беды. Но убережь тебя от самой себя... Нет, это бывает просто невозможно!..

— Ты себя сначала от самой себя убереги, нимфоманка! — ехидно парировала Эльмира и тут же поняла, что сказала гадость. — Прости...

— Да нет, что же. Продолжай. — Зойка обиженно скривилась и встала из-за стола, направляясь к кофеварке. — Скажи мне все! Скажи!.. Напомни о брошенном мною муже красавце-инженере, который изменял мне со всеми девицами нашего курса. Напомни о том, что всякий раз, встретив очередного подонка, я верю в свою счастливую звезду. Напомни мне, напомни.